

Научная статья

УДК 159.9.07

<https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.2>

Психологические предикторы конструктивных и деструктивных форм информационного поведения молодежи

Павел Н. Ермаков², Екатерина Г. Денисова³✉, Игорь В. Куприянов⁴, Анастасия С. Коленова¹

^{1,3} Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^{2,4} Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ keithdenisova@gmail.com

Аннотация: Введение. В условиях нарастающей цифровизации общества особое значение приобретает исследование психологических детерминант Интернет-активности и связанных с ними психологических феноменов, в том числе различных форм информационного поведения. При этом на сегодняшний день психологические предикторы конструктивных и деструктивных форм информационного поведения остаются недостаточно изученными, в частности, интерес представляют параметры агрессивности и враждебности и особенности когнитивной сферы. **Методы.** В исследовании приняли участие 107 человек (70 % девушки) в возрасте от 18 до 25 лет. С целью выявления уровня агрессивности и враждебности использовался опросник Басса-Дарки, для изучения индивидуальных различий в познавательной деятельности по параметру полезависимость-полenezависимость – тест включенных фигур («Фигуры Готтшальдта»); для уточнения индивидуальных особенностей мышления – методика измерения стиля мышления. С целью изучения особенностей информационного поведения была использована методика «Стратегии информационного поведения». Статистические методы обработки полученных результатов включали в себя: критерий Шапиро-Уилка, кластерный анализ k-средних, t-критерий Стьюдента, непараметрический критерий Манна-Уитни, метод стандартизованных разниц средних (d Коэна) и коэффициент точноно-бисериальной корреляции. **Результаты.** Пользователи, демонстрирующие активные конструктивную и деструктивную формы информационного поведения, имеют достоверно более высокие показатели по всем показателям агрессивности и враждебности и демонстрируют более выраженную полenezависимость. Указанные формы, как конструктивную, так и деструктивную, объединяет выраженность параметра активности субъекта. Однако направленность этой активности и выраженность отдельных стратегий информационного поведения различается. **Обсуждение результатов.** Полученные результаты свидетельствуют о связи высокого уровня активности в сети с полenezависимостью, агрессивностью и враждебностью и указывают на необходимость продолжения изучения вопроса о когнитивных механизмах поведенческой регуляции информационного поведения.

Ключевые слова: информационное поведение, когнитивный стиль, личность, агрессивность, полнезависимость, стратегии информационного поведения, интернет, деструктивное поведение

Основные положения:

- предлагается рассматривать особенности когнитивной сферы и выраженность агрессивности и враждебности как психологические предикторы формирования различных типов информационного поведения;
- стратегии информационного поведения проявляются в поведении индивида в разнообразных сочетаниях, которые могут быть объединены в конструктивные и деструктивные формы информационного поведения;
- доминирующими стратегиями можно назвать использование интернета для поиска информации, для просмотра пользовательского контента, потребления контента («инфлюенсеров» или знаменитостей);
- пользователи, отличающиеся более высокими показателями полнезависимости, агрессивности и враждебности, предпочитают активные формы информационного поведения.

Для цитирования: Коленова А.С., Ермаков, П.Н., Денисова, Е.Г., Куприянов, И.В. (2022). Психологические предикторы конструктивных и деструктивных форм информационного поведения молодежи. *Российский психологический журнал*, 19(2), 21–34. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.2>

Введение

Понятие «информационное поведение» (digital behavior), объединяющее в себе способы взаимодействия с информацией и информационными технологиями в целом и Интернет-активность в частности, в психологии является относительно новым. Информационное поведение часто ассоциировано с терминами «Информационная культура», «Интернет-использование» («Internet use»), «Проблемное использование Интернета» («problematic Internet use»), «Киберповедение» («cyber behavior»); в более современных работах также встречаются «медиаповедение» («media behavior») (Жижина, 2019; Kassambara & Mundt, 2020; Alt & Boniel-Nissim, 2018; Weinstein et al., 2015). В современной литературе нет однозначного определения данного феномена, которое бы описывало весь спектр его использования. При этом большая часть авторов сходится на том, что это специфическая активность человека, реализуемая при участии информационных технологических средств, направленная на получение и усвоение, использование и/или создание новой информации и ее распространения в обществе (Абакумова et al., 2020; Войскунский, 2017; Новиков, 2015; Дрешер & Атланова, 2005).

Показано, что паттерны и предпочитаемые стратегии поведения человека онлайн и офлайн могут значительно различаться (Ioannidis et al., 2018). Специфика интернет-пространства как социальной среды заключается в изменении структуры взаимодействия пользователей, проявляющейся в размытии границ, социальных норм и форм ответственности, множественности и доступности социальных групп, видов деятельности, большей свободе самовыражения. В этой связи есть основания полагать, что информационное поведение в большей степени отражает личностные характеристики пользователей и в большей степени ими детерминировано, нежели реальное офлайн поведение (Паньшина, Сунгурова & Карабущенко, 2021).

В трудах современных ученых разрабатываются попытки классифицировать Интернет-активность по различным основаниям. Так, предложены многочисленные классификации пользователей по мотивам, преобладающим видам активности, ориентации на потребление (созидание) или на производство (создание) контента (Паньшина, Сунгурова & Карабущенко, 2021; Жижина, 2019). Разрабатываются классификации пользователей информационных систем, в т. ч. социальных сетей и Интернета в целом (Кузнецова & Чудова, 2011; Фриндте & Келер, 2000). Активно изучаются различные уровни восприятия информации (нейрокогнитивный, психологический и ценностно-смысловой) и основные эффекты воздействия на них (Ермаков, Абакумова & Штейнбух, 2018). Среди связанных с Интернет-активностью психологических феноменов чаще рассматривают такие черты личности как открытость, нейротизм, ригидность, сензитивность, уровень социальных навыков субъекта, ценностно-смысловая сфера, общий и эмоциональный интеллект и др. (Молчанов & Алмазова, 2018; Лысак & Белов, 2013; Белова, Валуева, Овсянникова, & Сысоева, 2012; Peris, de la Barrera, Schoeps & Montoya-Castilla, 2020). При исследовании деструктивных форм поведения в сети, в том числе Интернет-зависимости и проблемного использования Интернета, исследователи также обращают внимание на особенности самоотношения, уровень агрессивности, показатели эмоционально-волевой регуляции, эмоциональную лабильность (Casale, Lecchi, & Fioravanti, 2015; Chen et al., 2015; Weinstein et al., 2015).

Учитывая относительную новизну феномена и методическую сложность исследования психологических предикторов активности в сети, на сегодняшний день нет системного понимания механизмов формирования тех или иных стратегий информационного поведения. Психологические предикторы конструктивных и деструктивных форм поведения остаются недостаточно изученными, в частности, интерес представляют параметры агрессивности и враждебности и особенности когнитивной сферы. Перечисленные характеристики преимущественно изучались либо изолированно друг от друга, либо исключительно в контексте проблемного использования интернета (Глазырина, 2021; Hinić, 2011). Однако именно когнитивная организация субъекта, как нам кажется, во многом определяет его способы взаимодействия с информацией, а личностная предрасположенность к агрессивности или враждебности может не только в значительной мере обуславливать проявление этих тенденций в онлайн-пространстве, но и иметь особый характер взаимодействия с когнитивной сферой.

Методы

В исследовании приняли участие 107 человек (34 юноши, 73 девушки) в возрасте от 18 до 25 лет (Южный федеральный округ и Республика Калмыкия, РФ). Опрос респондентов проведен в период с 13.02.2020 г. по 20.03.2020 г. очно, в формате бланкового тестирования. Все респонденты дали согласие на участие в исследовании, были ознакомлены с его целями и уведомлены о дальнейшем использовании и публикации результатов.

С целью исследования психологических особенностей респондентов было проведено психологическое тестирование с использованием следующих методик: для выявления уровня агрессии, ее поведенческих и эмоциональных аспектов – опросник уровня агрессивности Басса-Дарки (Хван, Зайцева, & Кузнецова, 2008); для изучения индивидуальных различий в познавательной деятельности по параметру полезависимость-полenezависимость – тест включенных фигур (методика «Фигуры Готтшальдта», (Witkin, 1950); для уточнения индивидуальных особенностей мышления – методика измерения стиля мышления» (Белоусова, Пищик, & Молохина, 2005).

С целью изучения особенностей информационного поведения была использована методика «Стратегии информационного поведения» (Абакумова et al., 2020).

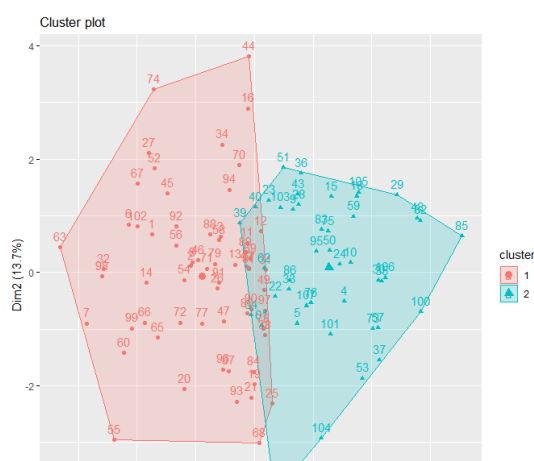
Статистическая обработка полученных результатов осуществлялась с применением системы статистической обработки данных «R» (R Core Team, 2020) с пакетом для кластерного анализа cluster (Maechler et al., 2020), пакетом визуализации данных factoextra (Kassambara & Mundt, 2017) и свободно распространяемого программного пакета JASP Computer software (Version 0.16, 2021). Статистические методы обработки полученных результатов включали в себя критерий Шапиро-Уилка, кластерный анализ k-средних, t-критерий Стьюдента, непараметрический критерий Манна-Уитни, метод стандартизованных разниц средних (d Коэна) и коэффициент точечно-бисериальной корреляции.

Результаты

С целью сгруппировать испытуемых по наиболее характерным сочетаниям когнитивных и личностных особенностей и дальнейшего выявления различий между ними по конструктивным и деструктивным формам информационного поведения, отраженным в трех компонентах (RC1 – RC3), выделенных нами в предыдущей работе (Абакумова, Ермаков, Денисова & Куприянов, 2021), был применен метод кластерного анализа k-средних, результат которого приведен на графиках (рис. 1 и рис. 2) и в таблице (таблица 1). Все данные, используемые для кластеризации выборки, предварительно переводились в z-шкалу, с целью стандартизации значений. Число кластеров было выбрано по результатам предварительных расчетов. Данное число кластеров наилучшим образом дискриминирует выборку по исследуемым показателям, при этом позволяет сохранить равномерность распределения респондентов по возрасту и полу внутри кластеров. В первый кластер вошли 63 человека (33 девушки, 30 юношей; средний возраст 20,8 лет), во второй – 44 (24 девушки, 20 юношей; средний возраст 21,1 лет).

Рисунок 1

Распределение наблюдений по кластерам

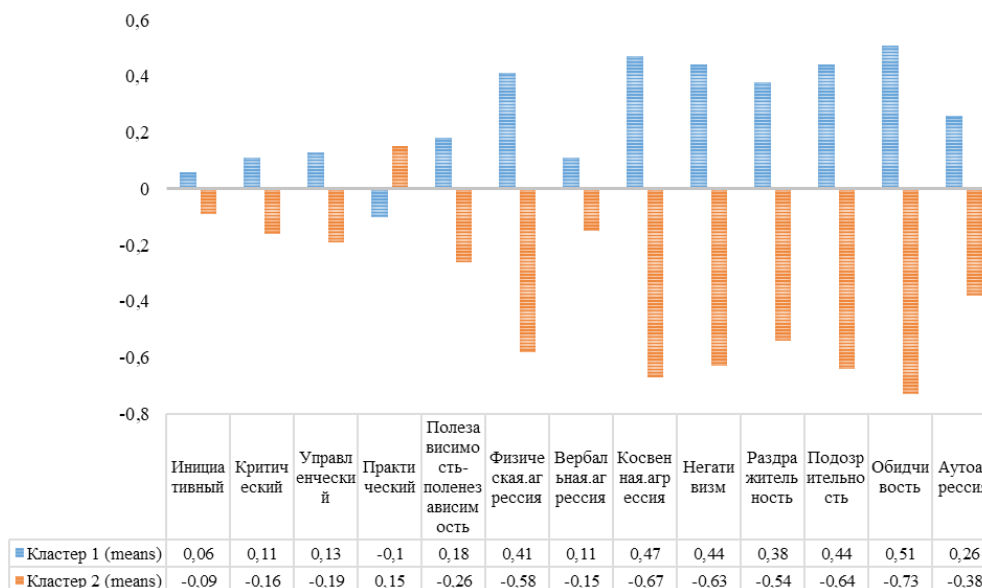

Условные обозначения: 1 – респонденты, вошедшие в кластер 1 (обозначены красным); 2 – респонденты, вошедшие в кластер 2 (обозначены голубым).

Показано, что средние значения, полученные по исследуемым показателям, существенно различаются в выделенных кластерах (рис. 2). Так, респонденты, вошедшие в кластер 1 имеют более высокие показатели по всем показателям агрессивности и враждебности, по инициативному, критическому и управленческому стилям мышления и демонстрируют более выраженную полнезависимость. Представители второго кластера менее склонны к проявлениям агрессивности и враждебности, имеют более высокие баллы по практическому стилю мышления и демонстрируют более выраженную полезависимость.

Рисунок 2

Средние значения кластеров по исследуемым показателям

Значения дисперсионного анализа (ANOVA) указывают на то, что не все переменные вносят одинаковый вклад в кластеризацию выборки (таблица 1). Наиболее значимыми оказались выраженность полнезависимости и показатели агрессивности и враждебности (за исключением вербальной агрессии).

Таблица 1

Результаты кластерного анализа (значения дисперсионного анализа (ANOVA))

	SS	MS	F	p
Инициативный	0,554	0,554	0,552	0,459
Критический	1,921	1,921	1,938	0,167
Управленческий	2,702	2,702	2,746	0,100

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

	SS	MS	F	p
Практический	1,658	1,658	1,669	0,199
Полезависимость-полнезависимость	5,113	5,113	5,321	0,023
Физическая. агрессия	25,55	25,55	33,347	0,000
Вербальная. агрессия	1,713	1,713	1,724	0,192
Косвенная. агрессия	34,039	34,039	49,667	0,000
Негативизм	29,353	29,353	40,212	0,000
Раздражительность	21,823	21,823	27,221	0,000
Подозрительность	30,274	30,274	41,978	0,000
Обидчивость	39,358	39,358	62,012	0,000
Аутоагрессия	10,549	10,549	11,605	0,001

Условные обозначения: *SS* – параметр «сумма квадратов» (*Sum of Squares*), показывает сумму квадратов отклонений средних значений кластеров от общего среднего; *MS* – параметр «средний квадрат» (*Mean Square*), показатель межгрупповой дисперсии, который равен результату деления суммы квадратов на число степеней свободы; поскольку число степеней свободы равно числу сравниваемых кластеров минус 1, в данном случае $SS=MS$; *F* – значения *F*-критерия Фишера – является индикатором того, насколько хорошо соответствующее измерение дискриминирует кластеры; *p* – уровень значимости.

В результате анализа выраженности выделенных нами конструктивных и деструктивных форм информационного поведения был проведен сравнительный анализ (таблица 2). В связи с тем, что распределение в выделенных группах (кластерах) в некоторых случаях отличалось от нормального, достоверность различий оценивалась одновременно по *t*-критерию Стьюдента и непараметрическому критерию Манна-Уитни. Кроме того, изучалась величина эффекта при помощи стандартизованных групповых разниц (*d* Коэна) и *r* коэффициентом точечно-бисериальной корреляции.

Таблица 2

Результаты анализа достоверности различий выраженности конструктивных и деструктивных форм информационного поведения между кластерами

Test of Normality (Shapiro-Wilk)			Наименование компонента	Статистический критерий	Результат	Уровень значимости	Величина эффекта
группа	W	p					
кластер1	0.987	0.727	RC1	Student (T-test)	1.70	0.092	0.334
кластер2	0.961	0.147		Mann-Whitney	1694.00	0.052	0.222
кластер1	0.886	< .001	RC2	Student (T-test)	0.391	0.697	0.077
кластер2	0.912	0.003		Mann-Whitney	1421.00	0.827	0.025
кластер1	0.942	0.005	RC3	Student (T-test)	2.412	0.018	0.474
кластер2	0.975	0.444		Mann-Whitney	1738.00	0.026	0.254

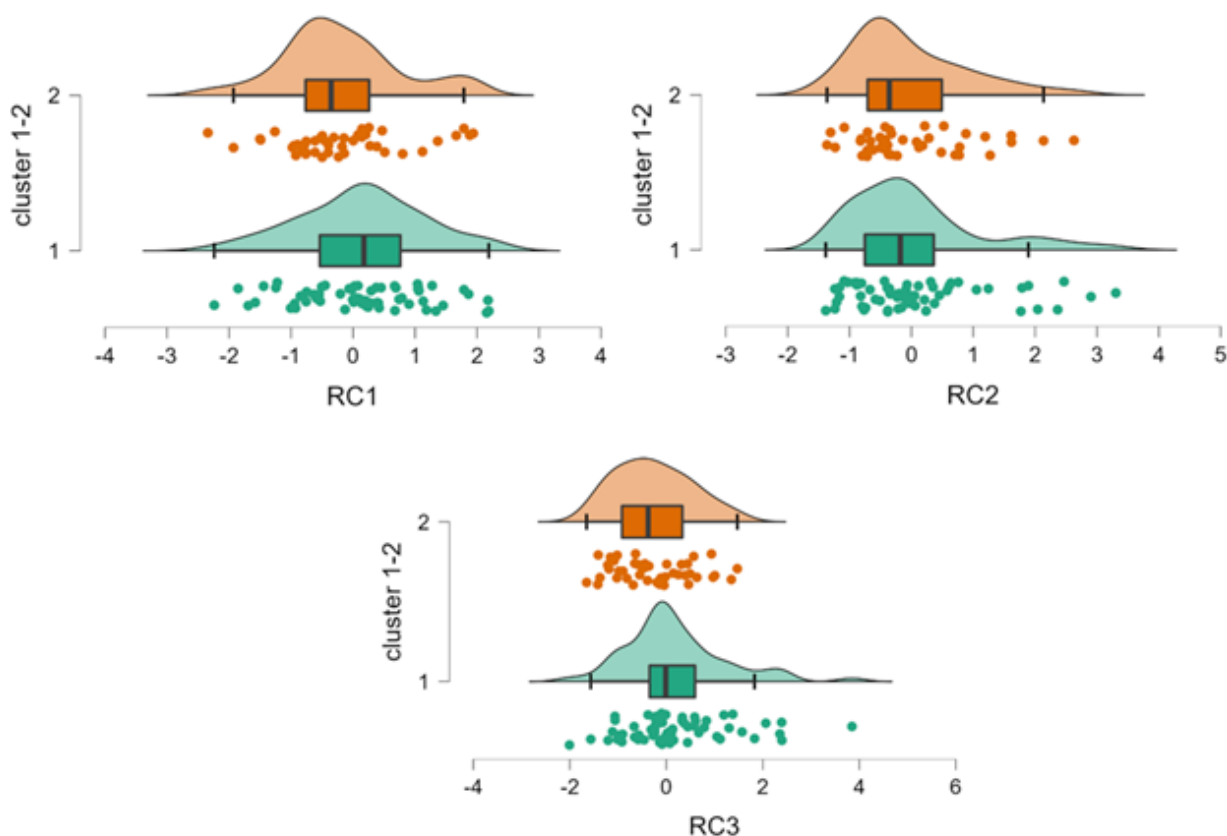
Примечание: Значимый результат по критерию Шапиро-Уилка свидетельствует о ненормальности распределения. Величина эффекта для t-критерия рассчитана при помощи стандартизованных групповых разниц (d Коэна) и r коэффициентом точно-бисериальной корреляции (для критерия Манна-Уитни).

Установлено, что между кластерами значимо различаются показатели третьей компоненты (RC3). То есть в группах, выделенных на основании кластерного анализа, различается выраженность активной деструктивной формы информационного поведения. Кроме того, обнаружена тенденция к значимости различий по первой компоненте (RC1 – активная конструктивная форма). Величина эффекта в отношении обнаруженных различий также свидетельствует о существенной степени их выраженности (средняя величина эффекта).

При сравнении распределения значений по компонентам в каждом из кластеров было установлено, что респонденты первого кластера имеют более высокие показатели как по активной конструктивной форме информационного поведения, так и по активной деструктивной (рис. 3).

Рисунок 3

Сравнение выраженности различных форм информационного поведения в выделенных кластерах

Условные обозначения: RC1, RC2, RC3 – обозначения форм информационного поведения, выделенных при помощи анализа главных компонент (активная конструктивная, пассивная конструктивная, активная деструктивная, соответственно).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что пользователи, которые активно используют интернет в рекреационных, коммуникативных и прагматических целях (RC1), либо для реализации агрессивных импульсов и/или сексуальных потребностей (RC3), имеют достоверно более высокие показатели по всем показателям агрессивности и враждебности и демонстрируют более выраженную полнезависимость (кластер 1).

Обе активные формы, как конструктивная, так и деструктивная, объединяет параметр активности субъекта. Однако направленность этой активности и выраженность отдельных стратегий информационного поведения, согласно полученным данным, различается. Анализ представленности конкретных стратегий информационного поведения представлен в таблице 3.

Таблица 3

Частота встречаемости стратегий информационного поведения (в процентах)

Наименование стратегии информационного поведения	Частота встречаемости стратегии как ведущей		
	По выборке	Кластер 1	Кластер 2
1. Интернет для сообщения другим о себе	2%	2%	2%
2. Интернет для совершения покупок	2%	0%	5%
3. Интернет для поиска информации	29%	24%	36%
4. Интернет для "убийства времени"	7%	8%	5%
5. Интернет как мотивирующая сила (примеры других)	23%	27%	18%
6. Интернет как доступ к альтернативной информации (оппозиционные взгляды)	7%	8%	5%
7. Интернет для участия в сообществах (экстремизм, деструктивные тенденции)	3%	3%	2%
8. Интернет для подглядывания за другими в социальных сетях	21%	22%	18%
9. Интернет для реализации сексуальных потребностей	2%	3%	0%
10. Интернет для высказывания идей (проявления национализма)	6%	3%	9%

Наиболее распространенными стратегиями по выборке в целом является использование интернета для поиска информации, для просмотра пользовательского контента, потребления контента «инфлюенсеров» или знаменитостей. Эти же стратегии очевидно доминируют и в выделенных кластерах. При этом поиск информации доминирует для представителей второго кластера, тогда как для первого более важен контент социальных сетей (мотивационный, пользовательский контент).

Обсуждение результатов

Полученные результаты свидетельствуют о том, что пользователи, которые активно используют интернет в рекреационных, коммуникативных и прагматических целях (RC1), либо для реализации агрессивных импульсов и/или сексуальных потребностей (RC3) имеют достоверно более высокие показатели по всем показателям агрессивности и враждебности и демонстрируют более выраженную полнезависимость (кластер 1). Компоненты RC1 и RC3

объединяет сходный уровень активности субъекта и выраженность связи с показателем стратегии «Интернет для поиска информации». То есть эта стратегия одинаково выражена вне зависимости от характера этой информации или направленности пользовательской активности. Следовательно, преобладание указанных форм поведения у представителей кластера 1 свидетельствует о связи высокого уровня активности в сети с полнезависимостью, агрессивностью и враждебностью. В целом это согласуется с результатами исследований продуктивности информационно-поисковой деятельности в интернете, на материале которых показано, что полнезависимые пользователи более успешно справляются с задачами информационного поиска по количественным (скорость поиска, количество просмотренных страниц и др.) характеристикам (Ferdowsi & Razmi, 2022; Ford et al., 2002; Palmquist & Kim, 2000). То есть, полнезависимые пользователи в целом лучше ориентируются в информационной среде, а также демонстрируют более активное и уверенное поведение.

Агрессивность и враждебность пользователей в большей степени изучалась в контексте их связи с интернет-зависимым поведением или как самостоятельный стиль поведения (кибербуллинг) (Селиванова & Пешнина; 2020; Palmquist & Kim, 2000). При этом показано, что аутоагрессия и другие компоненты агрессивности с высокой долей вероятности находят выражение в деструктивных формах поведения в сети (в т. ч. аддиктивном поведении) (Глазырина, 2021; Hinić, 2011). Кроме того, пользователи, демонстрирующие высокую агрессивность, более активны и продуктивны в своем самовыражении в сети (Набойченко & Окунева, 2016; Дрепа, 2009; Glicksohn, Naftuliev & Golan-Smooha, 2007).

Таким образом, полученные нами результаты в целом не противоречат эмпирическим фактам, описываемым в исследованиях последних лет. При этом, учитывая отсутствие работ, в которых бы рассматривалось совместное влияние полнезависимости и агрессивности на особенности поведения индивида в интернете, описанные данные расширяют представления о роли когнитивного стиля в выборе стратегий информационного поведения. Однако результаты нашего исследования только направляют нас в сторону поиска когнитивных механизмов поведенческой регуляции и не могут в полной мере ответить на вопрос о распределении факторной нагрузки между описанными характеристиками.

Заключение

1. Информационное поведение как специфическая активность человека, реализуемая при участии информационных технологических средств, представляет собой сложный феномен. Многообразность его определений во многом обусловлена отсутствием единого методологического подхода к его исследованию и множеством инструментов, позволяющих изучить лишь отдельные его проявления.
2. Различные сочетания стратегий информационного поведения, которые проявляются в поведении конкретного индивида, могут быть объединены в конструктивные и деструктивные формы информационного поведения.
3. Пользователи, которые активно используют интернет в рекреационных, коммуникативных и прагматических целях (активная конструктивная форма информационного поведения), либо для реализации агрессивных импульсов и/или сексуальных потребностей (активная деструктивная форма информационного поведения) имеют достоверно более высокие показатели по всем показателям агрессивности и враждебности и демонстрируют более выраженную полнезависимость.

Литература

- Абакумова, И.В., Ермаков, П.Н., Денисова, Е.Г., & Куприянов, И.В. (2021). Генетические предикторы деструктивных и конструктивных форм информационного поведения молодежи. *Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях*, 3, 101–107. <https://doi.org/10.25016/2541-7487-2021-0-3-101-107>
- Белова, С.С., Валуева, Е.А., Овсянникова, В.В., & Сысоева, Т.А. (2012). Аналитический и холистический способы переработки информации в контексте социального познания. В книге: *Пятая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2 т. Калининград, 18–24 июня 2012 г.*, 236–238.
- Белоусова, А. К., Пищик, В. И., & Молохина, Г. А. (2005). Первичная психометрическая проверка методики определения стиля мышления. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, 512, 73–84.
- Войсункинский, А.Е. (2017). Направления исследований опосредствованной Интернетом деятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14: Психология*, 1, 51–66.
- Глазырина, Л.Г. (2021). Аутоагрессия как предиктор формирования интернет-зависимости у подростков: теоретические аспекты. *Проблемы современного педагогического образования*, 71(4), 348–351.
- Дрепа, М. И. (2009). Психологический портрет личности интернет-зависимого студента. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 4, 75–81.
- Дрешер, Ю.Н., & Атланова, Т.А. (2005). Изучение информационных потребностей и информационного поведения специалистов в структуре деятельности по обеспечению комфортной информационной среды. *Научные и технические библиотеки*, 11, 5–14.
- Ермаков, П.Н., Абакумова, И.В., & Штейнбух, А.Г. (2018). *Профилактика экстремизма и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве: традиционные и инновационные формы*. Методическое пособие, 7–30.
- Жижина, М. В. (2019). Основные направления социально-психологических исследований социальных сетей. *Colloquium-journal*, 15 (39), 58–60. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-10472>
- Жичкина, А.Е. (2000). О возможностях психологических исследований в сети Интернет. *Психологический журнал*, 2, 75–78.
- Кузнецова, Ю. М., & Чудова, Н. В. (2011). *Психология жителей Интернета*, 18–20.
- Лысак, И.В., & Белов, Д.П. (2013). Влияние информационно-коммуникационных технологий на особенности когнитивных процессов. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 5 (142), 256–264.
- Молчанов С.В., Алмазова О.В., & Поскребышева Н.Н. (2018). Когнитивные способы переработки социальной информации из интернет-сети в подростковом возрасте. *Национальный психологический журнал*, 3 (31), 57–68.
- Набойченко Е.С., & Окунева Л.И. (2016). Типология подростков, склонных к кибераддикции. *Педагогическое образование в России*, 1, 94–98.
- Неклюдова, В. В. (2018). Агрессивность игрозависимой студенческой молодежи. *Вестник Прикамского социального института*, 1 (79), 144–147.
- Новиков, С.И. (2015). Формирование информационного поведения у студентов. *Проблемы науки*, 1 (1), 81–85.
- Паньшина, С.Е., Сунгурова, Н.Л., & Карабущенко, Н.Б. (2021). Личностные характеристики

- студентов в регуляции сетевой активности. *Образование и наука*, 23 (3), 101–130.
- Селиванова, О.Г., & Пешнина, Е.М. (2020). Исследование склонности к кибербуллингу у старших подростков. *Концепт*, 8, 117–123. <https://doi.org/10.24411/2304-120X-2020-12033>
- Фриндте, В., & Келер, Т. (2000) *Публичное конструирование Я в опосредованном компьютером общении*, 40–54.
- Хван, А.А., Зайцев, Ю.А., & Кузнецова, Ю.А. (2008). Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки. *Психологическая диагностика*, 1, 35–58.
- Abakumova, I.V., Grishina, A., Zvezdina, G., Zvezdina, E., & Dyakova, E. (2020). Models of information behavior: Changes in psychological boundaries of internet users. *E3S Web of Conferences*, 210. <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021020015>
- Alt, D., & Boniel-Nissim, (2018). M. Links between Adolescents' Deep and Surface Learning Approaches, Problematic Internet Use, and Fear of Missing Out (FoMO). *Internet Interventions*, 13, 30–39. <https://doi.org/10.1016/j.invent.2018.05.002>
- Caplan, S., Williams, D., & Yee, N. (2009). Problematic Internet use and psychosocial well-being among MMO players. *Computers in Human Behavior*, 25(6), 1312–1319. doi:10.1016/j.chb.2009.06.006
- Casale, S., Lecchi, S., & Fioravanti, G. (2015). The association between psychological well-being and problematic use of Internet communicative services among young people. *The Journal of psychology*, 149(5), 480–497. <https://doi.org/10.1080/00223980.2014.905432>
- Chen, Q., Quan, X., Lu, H., Fei, P., & Li, M. (2015). Comparison of the personality and other psychological factors of students with internet addiction who do and do not have associated social dysfunction. *Shanghai archives of psychiatry*, 27(1), 36–41. <https://doi.org/10.11919/j.issn.1002-0829.214129>
- Ferdowsi, S., & Razmi, M. H. (2022). Examining Associations Among Emotional Intelligence, Creativity, Self-efficacy, and Simultaneous Interpreting Practice Through the Mediating Effect of Field Dependence/Independence: A Path Analysis Approach. *Journal of psycholinguistic research*, 51(2), 255–272. <https://doi.org/10.1007/s10936-022-09836-0>
- Ford, N., Spink, A., Wilson, T. D., Foster, A., & Ellis, D. (2002). Information Seeking and Mediated Searching Study. Part 4. Cognitive styles in Information Seeking. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 53(9), 728–735. <https://doi.org/10.1002/asi.10084>
- Glicksohn, J., Naftuliev, Y., & Golan-Smooha, H. (2007). Extraversion, psychoticism, sensation seeking and field dependence-independence: will the true relationship please reveal itself? *Personality and Individual Differences*, 42, 1175–1185.
- Hinić D. (2011). Problems with 'Internet addiction' diagnosis and classification. *Psychiatria Danubina*, 23(2), 145–151.
- Ioannidis, K., Treder, M. S., Chamberlain, S.R., Kiraly, F., Redden, S. A., Stein, D. J., Lochner, C., & Grant, J. E. (2018) Problematic internet use as an age-related multifaceted problem: Evidence from a two-site survey. *Addictive Behaviors*; 81(157). <https://doi.org/10.1016/j.addbeh.2018.02.017>
- Kassambara, A., & Mundt, F. (2017). Factoextra: extract and visualize the results of multivariate data analyses. *R package version*, 1(5), 337–354.
- Maechler M, Rousseeuw P, Struyf A, Hubert M, Hornik K (2021) cluster: Cluster Analysis Basics and Extensions. *R package version 2.1.2*. <https://CRAN.R-project.org/package=cluster>
- Palmquist, R., & Kim, K.-S. (2000). Cognitive style and on-line database search experience as predictors of web search performance. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, 51(6) 558–566. [https://doi.org/10.1002/\(SICI\)1097-4571\(2000\)51:63.0.CO;2-9](https://doi.org/10.1002/(SICI)1097-4571(2000)51:63.0.CO;2-9)

- Peris, M., de la Barrera, U., Schoeps, K., & Montoya-Castilla, I. (2020). Psychological Risk Factors that Predict Social Networking and Internet Addiction in Adolescents. *International journal of environmental research and public health*, 17(12), 4598. <https://doi.org/10.3390/ijerph17124598>
- Santre, S. (2022). Cyberbullying in adolescents: a literature review. *International Journal of Adolescent Medicine and Health*. <https://doi.org/10.1515/ijamh-2021-0133>
- Vanshika, A. (2017). Cyber psychology and cyber behaviour of adolescents-the need of the contemporary era. *Procedia Computer Science*, 122, 671–676 <https://doi.org/10.1016/j.procs.2017.11.422>
- Weinstein, A., Dorani, D., Elhadif, R., Bukovza, Y., Yarmulnik, A., & Dannon, P. (2015). Internet addiction is associated with social anxiety in young adults. *Annals of clinical psychiatry: official journal of the American Academy of Clinical Psychiatrists*, 27(1), 4–9.
- Witkin, H. A. (1950). Individual differences in ease of perception of embedded figures. *Journal of Personality*, 19(1), 1–15.

Поступила в редакцию: 20.03.2022

Поступила после рецензирования: 13.05.2022

Принята к публикации: 16.05.2022

Заявленный вклад авторов

Павел Николаевич Ермаков – разработка концепции исследования, анализ и интерпретация полученных данных, участие в написании статьи, научная консультация, редактирование статьи.

Екатерина Геннадьевна Денисова – обзор литературы по теме статьи, участие в сборе и обработке материала, анализ полученных данных, участие в написании статьи, перевод реферата, оформление окончательного варианта статьи.

Игорь Владимирович Куприянов – участие в сборе и обработке материала, статистическая обработка данных, интерпретация полученных данных, участие в написании и редактировании статьи.

Анастасия Сергеевна Коленова – участие в сборе и обработке материала, участие в написании статьи и заключения

Информация об авторах

Павел Николаевич Ермаков – Доктор биологических наук, профессор, академик РАО, директор ЮРНЦ РАО, заведующий кафедрой психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики ЮФУ, ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8395-2426>; e-mail: paver@sfedu.ru

Екатерина Геннадьевна Денисова – Кандидат психологических наук, доцент кафедры «Психофизиология и клиническая психология», заведующий лабораторией «Психофизиология и психогенетика», ФГБОУ ВО «Донской государственной технической университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0240-8176>; e-mail: keithdenisova@gmail.com

Ермаков П. Н., Денисова Е. Г., Куприянов И. В., Колонова А. С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДИКТОРЫ КОНСТРУКТИВНЫХ И ДЕСТРУКТИВНЫХ ФОРМ...

Российский психологический журнал, 2022, ТОМ 19, № 2, 21-34. doi: 10.21702/rpj.2022.2.2

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Игорь Владимирович Куприянов – кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии, ФГБОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5110-8834>; e-mail: kupriyanov@sfedu.ru

Анастасия Сергеевна Колонова – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Общая и консультативная психология», ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0715-8655>; e-mail: kolenova.nastya@yandex.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.